

МЕСТО КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРГЕНТИНЫ В ПРОЦЕССАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье проанализированы этапы становления и закрепления периферийного положения коренных народов среди приоритетов политики Аргентинской республики, нацеленной на консолидацию государства и формирование национальной идентичности. Показано, что в колониальный период их интеграция и ассимиляция в контексте социально-экономических и политических процессов ограничивались как самими общинами, так и колониальными властями. Приводятся факты, подтверждающие, что после завоевания Аргентиной независимости объектом государственных интересов становятся территории традиционного проживания автохтонных групп, которые при этом последовательно исключаются из национальной политической повестки, для чего используется широкий арсенал средств – от снаряжения военных экспедиций до развертывания идеологических и пропагандистских кампаний в стране и за ее пределами.

Ключевые слова: *индейский вопрос, “цивилизация и варварство”, “пустыня” как концепт и метафора, конструирование пространства, национально-культурная идентичность, фактор южной границы, биологический детерминизм*

В советской латиноамериканистике изучение коренных народов Аргентины носило фрагментарный характер и проводилось преимущественно в рамках исследования специфики этнических процессов и особенностей национальной консолидации (Шейнбаум 1981: 262–312) или в контексте подъема борьбы индейских организаций за этнополитические права в 1970-е годы (Шейнбаум 1985: 242–252; Гончарова 1993: 106–129). Что касается государственной политики в отношении индейского населения, она однозначно характеризовалась как «ассимиляторская и в лучшем случае покровительственная» (Шейнбаум, 1985: 249). В более поздних работах “индейский вопрос” в этой стране, как правило, рассматривался шире – в контексте феномена разделенных этносов *мапуче* и *гуарани* (Ивановский и др. 2003: 49–64), проблемы исчезновения традиционных языков (Ракуц 2009: 94–100), специфики политического участия коренных народов и особенностей их взаимодействия с государством в меняющихся условиях (Ракуц 2018: 130–140). Принимая это во внимание, в данной статье мы попытаемся заполнить одну из лагун в изучении данного вопроса, проанализировав особенности “индейской” политики Буэнос-Айреса под влиянием и в контексте императивов консолидации нации и формирования государственности в Аргентине.

Щербакова Анна Дмитриевна – к. полит. н., доцент, старший научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН (115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16) Эл. почта: anna_scherbakova@list.ru. **Scherbakova, Anna D.** – PhD in Polit. St., Institute of Latin American Studies, RAS (Moscow, Russia). E-mail: anna_scherbakova@list.ru

«Сосуществование без подчинения»

Отношения между коренным населением Нового Света и завоевателями, а позже и колонистами, складывались по-разному – в зависимости от специфики хозяйственного уклада и уровня культурного развития отдельных этносов, их готовности к ассимиляции в чуждую языковую и культурную среду и интеграции в чужеродные социально-экономические структуры. В этом плане место и роль индейского населения бассейна Ла-Платы в социально-экономических процессах по завершению конкисты менялись по мере расширения присутствия европейцев, сопровождавшегося постепенным закреплением колониальных порядков. С одной стороны, на первых этапах освоения и заселения региона европейцами представители коренных народов становятся элементом новой формирующейся на Ла-Плате этнической общности. Это было связано не только с численным преобладанием индейцев на новых для завоевателей территориях, но и с безусловным гендерным дисбалансом в пользу мужчин среди испанцев, что приводило к их физическому смещению с коренным населением на всем протяжении конкисты и появлению в результате новой этнической и социальной группы в колониях – потомков подобных смешанных союзов, метисов. Метисация таким образом явилась основным драйвером демографического роста в субрегионе.

С другой стороны, специфика и уровень развития хозяйственного уклада различных автохтонных групп во многом определили последующий характер освоения и колонизации тех или иных территорий, а значит, заложили основу региональных различий в рамках будущего вице-королевства. Это объяснялось гетерогенностью этнической карты будущей Аргентины, на территории которой проживали как высокоорганизованные кечуа и оседлые племена земледельцев-диагитов, возводивших крепости и строивших ирригационные сооружения на северо-западе, так и находившиеся на более ранних стадиях развития народы она и ягана, заселявшие острова на юго-востоке от Огненной Земли.

Кроме того, сохранение общины как основной структурной единицы коренных сообществ затруднило их ассимиляцию в колониальное общество, интеграцию в его социально-экономические структуры и процессы, способствовало определенной изоляции общин и их членов – даже с учетом того, что те продолжали существовать преимущественно в наименее пригодных для земледелия районах. Более того, в условиях распространения христианства и продвижения испанского языка в качестве основного средства коммуникации общины становятся хранителями традиционных языков и идентичности в широком смысле. В результате восприятие их членами европейских ценностей происходило по-прежнему через призму собственных ценностей и традиций, не затрагивая ключевых сторон жизни. Это позволило коренным народам сохранить свою этнокультурную идентичность и традиционный уклад, но серьезно ограничило их присутствие в жизни колонии (*Шейнбаум* 1981: 264–268).

Вне колониального общества находились также непокоренные индейцы, населявшие территории вице-королевства на юге и востоке. По некоторым данным, к концу XVIII в. лишь 10% индейцев пампы признавало власть европейских завоевателей. В этом контексте существование коренных народов, продолжавших сопротивляться привнесенным европейцами порядкам, осложняло не только “пространственное” продвижение колонизации, но и хозяйственное освоение бассейна Ла-Платы вплоть до середины XIX века. Мир “белых”, управлявшийся сначала колониальной администрацией, а позже властями независимой республики, и территории коренных народов, остававшиеся

практически независимыми от них, разделяла так называемая военная граница (исп. – *frontera bélica*). В приграничных районах поселения колонистов постепенно становятся своего рода форпостами для поддержания присутствия колониальных властей в удаленных от административных центров местах и поддержания ограниченных сношений (обмена товарами и услугами) с местным населением, что формирует, по определению аргентинского антрополога Э.У. Тринчеро, специфическую «систему сосуществования без подчинения», действовавшую на протяжении трех веков (Trincherо 2014: 180–181).

Это привело к тому, что и после окончания Войны за независимость с метрополией коренные народы продолжали восприниматься властями Объединенных провинций в качестве не субъекта, а объекта политики. После появления на карте Аргентинской республики перед Буэнос-Айресом стояли четыре основные задачи: прежде всего, добиться консолидации территорий, входивших в состав бывшего вице-королевства под своим управлением; сформировать национальное государство – по возможности, опять же, в границах вице-королевства; выработать собственную уникальную идею, способную стать фундаментом национально-культурной идентичности граждан; и занять подобающее молодому государству место на мировой арене. Соответственно, взаимодействие с коренными народами по-прежнему не было выделено в качестве одного из направлений государственной политики, а, скорее, оставалось фактором, способным влиять (зачастую негативно) на ее реализацию.

Территориальное измерение «индейского вопроса»

Сложность выполнения тогдашней политической повестки современный аргентинский историк Э. Адамовски объяснял необходимостью государству, как безличной форме осуществления политической власти, формировать народ из множественности жителей определенной территории так, чтобы те жили и действовали в соответствии с установленными гражданскими нормами, признавая легитимность этой государственности (Адамовски 2013: 123). Добавим, что ситуация осложнялась перекрестным действием целого комплекса внутривнутриполитических факторов.

Взятый курс на распространение суверенитета Буэнос-Айреса на территории, подконтрольные ему в колониальный период, реализовывался в условиях многолетнего политического противостояния из-за выбора модели и пути развития республики. В этом контексте в первые десятилетия независимого развития решение «земельного вопроса» преследовало несколько целей: с одной стороны, расширения возможностей сельского хозяйства за счет новых плодородных территорий, с другой – приобретения правящими кругами лояльности среди провинциальных и военных элит посредством избирательного наделения новыми угодьями.

В результате в 1830-е гг. конфликт между унитариями и федералистами сопровождался так называемыми «экспедициями» в пустыню – военными походами для защиты земель, еще раньше захваченных у индейцев, и дальнейшего продвижения на юг, по сути же – кампаниями против проживавших там групп автохтонного населения. Так, «экспедиция в пустыню» 1833–1834 гг., завершившаяся захватом 100 тыс. км², сопровождалась разрушением индейских поселений и физическим истреблением их жителей (Ларин 2012: 118) и последующим перераспределением «приобретенных» наделов между сторонниками Хуана Мануэля де Росаса (губернатора провинции Буэнос-Айрес в 1829–1852 гг.).

Завершение процесса государственного строительства, ознаменовавшееся принятием Конституции Аргентинской конфедерации в 1853 г., закрепило доминирование агроэкспортной модели в качестве основы экономической жизни. В этом ключе коренные народы попадали в орбиту внимания властей по-прежнему преимущественно в контексте “собираания земель” в интересах развития сельского хозяйства, требовавших, помимо прочего, обеспечения безопасности приграничных территорий. Так, в Конституции 1853 г. индейцы упоминались только в пункте 15 ст. 64 Главы IV, перечисляющей полномочия Конгресса, призванного «обеспечивать безопасность границ; поддерживать мирное обращение с индейцами и способствовать их обращению в католичество» (Constitución 1853).

Таким образом интеграция территорий коренных народов в экономические и политические процессы сопровождалась вытеснением и/или истреблением их населения, что означало и вытеснение автохтонных этносов из процесса государственного строительства, постепенно ставшее частью аргентинской национальной идеи и – в более широком смысле – национально-культурной идентичности. Формирование национальной идеологии и определение места и роли в ней коренных народов происходили параллельно с реализацией мер по «обеспечению благосостояния страны, развития и благосостояния всех провинций, содействию развитию промышленности, строительству железных дорог и судоходных каналов, колонизации земель, находящихся в государственной собственности» (Ibid em).

В этом ключе менялись и подходы интеллектуальной и правящей элит к оценке места и роли коренного населения в процессах национального развития. Так, видный деятель борьбы за независимость на Ла-Плате Мариано Морено (1778–1811) в своей докторской диссертации «О личной повинности индейцев вообще и о янаконах и митайосах в частности», написанной в 1802 г. после посещения центра горнорудной промышленности в Потоси, утверждал, что положение индейцев несовместимо с принципами свободы, а также «с законами, которые рассматривают индейцев так же, как и прочих вассалов кастильской короны» (Казаков 2014: 54). При этом, по мнению российского историка-латиноамериканиста В.П. Казакова, проекты развития, разрабатываемые идеологами Майской революции впоследствии, автохтонные народы не учитывали вовсе (Казаков 2015: 21–48).

В дальнейшем их место в правительственных стратегиях определялось в рамках двух направлений – социального конструирования аргентинского пространства и, о чем упоминалось выше, создания национально-культурной идентичности граждан нового государства. Первое из них было ориентировано на включение территорий Пампы и Патагонии к югу от военной границы в состав государства и их интеграцию в социально-политические процессы, чего требовал экстенсивный характер аргентинского сельского хозяйства, уже тогда ориентированного на экспорт. Второе же – напротив, на исключение индейцев из числа основообразующих элементов формирующейся нации.

На основании существовавших к моменту появления национального государства географических исследований, с юга оно ограничивалось течениями рек Колорадо и Рио Негро, а территории по другую сторону, соответственно, воспринимались как своего рода “пустыня”. Этот концепт пустыни – пространства, подлежащего колонизации и аккультурации, лежал в основе политики аргентинских правительств по продвижению на юг. Помимо расширения физических границ государства речь

шла о необходимости укрепления политических позиций Буэнос-Айреса в бассейне Ла-Платы в условиях распространенного представления о скрытой угрозе со стороны Чили и конфликтных отношений с Парагваем.

Метафора пустыни широко использовалась и для формирования официального дискурса о “нецивилизованности” местного коренного населения, что подкреплялось утверждениями о кочевом образе жизни племен, отсутствии у них частной собственности и стремления возделывать землю. Исходя из этого, с одной стороны, государство наделило себя правом “цивиловать” эти народы посредством превращения “пустыни” в объект заселения и насаждения там европейской социально-экономической модели. С другой – представление о Патагонии не просто как о пустыне, но о пустыне, расположенной на территории ЗА границей Аргентины (о чем утверждалось, например, в «Катехизисе географии» 1856 года издания), становилось аргументом для заявлений об иностранном происхождении индейцев и, по мнению аргентинского исследователя П. Наварро Флории, отправной точкой в формировании образа страны не только БЕЗ пустыни, но и БЕЗ “нецивилизованных” и мятежных индейцев (*Navarro Floria* 1999).

Если в колониальный период “цивилизацию” и “варварство” разделяла военная граница, то в последующие десятилетия территория Пампы и северной Патагонии, где активно действовали аргентинцы и чилийцы – военные, торговцы, исследователи и миссионеры – становится пограничным пространством. Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888), один из “отцов-основателей” аргентинской нации, характеризовал южную границу не как пустоту или хаос, а как альтернативу государственному порядку, которую следует считать врагом и победить в стремлении к единству нации (*Ibid* 2005).

В результате вопрос о пересмотре системы “сосуществования без подчинения” становится важной частью политической повестки молодой республики среди мер по формированию образа Аргентины на международной арене на основе конструируемого образа нации. Одной из ключевых идей было стремление исключить из этого процесса коренные народы как воплощение того самого “варварства”, стоявшего на пути молодой республики к прогрессу, апеллируя к растиражированным уверениям в европейском происхождении аргентинцев, “сошедших с кораблей”. По мнению уже упоминавшегося Э.У. Тринчеро, эта антропологическая метафора имела два противоречивых, но при этом взаимосвязанных значения. Первое состояло в том, что именно европейцы заселили “пустующие” территории и составили “костяк” их населения, после чего своими усилиями по колонизации добились включения нового государства в мировой рынок. Второе же, противоположное по смыслу, заключалось в том, что благодаря специфике своего государственного и национального строительства Аргентина может (и должна) считаться частью Европы, что становится ключевым элементом национальной идентичности (*Trincherо* 2006: 124). В результате, в отличие, например, от мексиканцев середины XIX в., их современники на Ла-Плате до определенного момента не включали прошлое автохтонных этносов в национальную историю, но готовы были считать их гражданами создававшегося государства (*Quijada* 2000: 383).

При этом отношение части интеллектуальной и политической элиты к коренному субстрату нации на протяжении большей части столетия формировалось в русле социал-дарвинистских теорий, проникавших из Европы и накладывавшихся на местные представления о необходимости победы над “варварством” в границах национальной территории. Так, автор проекта Конституции Аргентинской федерации 1853 г. Хуан Баутиста Альберди (1810–1884) основной инструмент прогресса видел

в притоке “избранной европейской иммиграции” и не считал коренное население частью этого процесса. В своей ключевой работе «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики» он утверждал, что «в условиях независимости коренные народы не играют роли и не являются частью мира в нашем политическом и гражданском обществе. Мы, называющие себя американцами, – не что иное, как европейцы, рожденные в Америке» (*Alberdi* 2017: 91). Поэтому именно «животворящий дух европейской цивилизации», «промышленные привычки, «цивилизационные практики» и иммиграция из Старого света должны были стать «средством прогресса и культуры» в странах Южной Америки (*Ibid* 2017: 97).

Ему вторил военный и общественно-политический деятель и президент Аргентины в 1868–1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто, видевший в привлечении европейской иммиграции «основное средство достижения общественного покоя и гражданского упорядочения, которым располагает на сегодняшний день Аргентинская Республика» (*Сармьенто* 1988: 374). При этом он рассматривал приток европейцев в русле расовой теории, которую, судя по всему, разделял, – как способ заменить белой расой “испаноамериканскую”, возникшую в результате смешения испанцев с представителями “рабской доисторической расы”, к которой он относил автохтонное население континента. По его мнению, это было необходимо для победы “цивилизации” городов, сконцентрированной на Ла-Плате, над “варварством” пампы на севере страны, населенной невежественными индейцами и метисами (*Ларин* 2010: 230–231).

Таким образом, коренные народы продолжали оставаться на периферии интересов молодого государства и рассматриваться по-прежнему преимущественно в качестве некоей помехи, осложнявшей и тормозившей развитие страны. Во второй половине XIX в. на смену императиву территориальной консолидации пришла необходимость консолидации национальной на основе конструируемой элитами национальной идеи. Как было показано выше, ее основополагающим постулатом, как и политики по привлечению иммигрантов, выступало утверждение об отсутствии в стране коренных народов, на десятилетия ставшее частью официального дискурса. К тому же, перспективы решения остававшейся на повестке дня задачи по интеграции в мировое сообщество и международные экономические отношения начинали зависеть от состояния так называемого земельного вопроса, непосредственно увязанного с территориями, заселенными индейцами.

Наука на службе у государства

В основе “индейской” политики аргентинских правительств на протяжении большей части второй половины XIX столетия лежали официальный дискурс “страны без индейцев” и собственно меры по его воплощению в жизнь – упоминавшиеся экспедиции в пустыню. Примечательно, что для поддержки государственного курса в этот период широко использовались наука (прежде всего, география, история и антропология) и искусство, развивавшиеся в контексте и под влиянием общемировых трендов. Одним из них был биологический детерминизм, распространение которого привело к появлению своего рода расизма в академической среде, – убежденность в преобладающей роли биологических факторов в определении пределов и возможностей социально-экономического и политического прогресса отдельных общностей.

¹ Цитируемая монография была написана в 1845 г.

Особенно ярко эта тенденция проявлялась в критической оценке потенциала молодых латиноамериканских республик по преодолению экономической и политической нестабильности первых десятилетий независимого существования. Целый ряд видных политических деятелей и ученых того времени – от автора «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля до этнолога и естествоиспытателя Роберта Нокса – склонялся к тому, чтобы ставить под сомнение перспективы постколониального развития ибероамериканских государств именно из-за распространенности там смешанных браков между испанцами и коренными народами и, соответственно, заметной доли метисного населения. Подобные суждения лишь подпитывали неопределенность латиноамериканских интеллектуалов в отношении собственной расовой и этнической идентичности, призванной тем не менее стать одним из основных элементов формирования национальных государств (*Kerr* 2017: 64).

В этом контексте реализация курса аргентинских правительств на формирование образа страны, населенной потомками “сошедших с кораблей” европейцев, столкнулась с очевидными трудностями в виде “отсутствующего” коренного населения. К тому же находки геологов и палеонтологов в центральных и южных районах страны, вновь и вновь подтверждавшие факт заселенности этих территорий задолго до появления европейцев, также не коррелировали с этой позицией официального Буэнос-Айреса. К разрешению этой дилеммы были привлечены натуралисты и антропологи во главе с натуралистом-самоучкой Флорентино Амегино (1854–1911) и основателем Музея естественной истории в г. Ла-Плата Франсиско Морено (1852–1919), стоявшим у истоков Аргентинского научного общества.

Этих исследователей объединяло стремление найти подтверждение своей гипотезе об американском происхождении человечества, основным очагом которого оба считали бассейн Ла-Платы. Их гипотеза обосновывала существование коренных народов на аргентинской территории в качестве предшественников современных естествоиспытателям аргентинцев – нации, которую еще только предстояло создать – и таким образом не противоречила ни целям военных кампаний на южной границе, ни стратегическому курсу правительств по формированию образа страны как цивилизованного государства, обладающего потенциалом для участия на равных в международных политических и экономических отношениях.

При аргументации этой теории Ф. Амегино отталкивался от представления об отсутствии доказательств заселения Америк в результате миграций из Европы. По его мнению, кросс-континентальные соответствия в ботанике, зоологии, лингвистике и геологии подтверждали лишь факт постоянного взаимодействия населения Европы, Африки и обеих Америк, но не того, что это взаимодействие происходило только в одном направлении. Такой подход допускал вероятность миграции одной или нескольких автохтонных американских рас в Азию, оспаривая представление о ключевой роли Европы в заселении мира. Эта гипотеза американского происхождения человека (и человечества) не просто опровергала устоявшиеся в научной среде теории, но могла преследовать цели, лежавшие за пределами академического признания, поскольку позиционировала периферию как центр, окраину – как потенциальный источник происхождения. По мнению современных исследователей, это предположение бросало вызов европейским претензиям на превосходство и было нацелено на своеобразное возвышение Америки.

Как уже говорилось, утверждения Амегино и его последователей об автономном происхождении и развитии цивилизации на Ла-Плате, что делало именно Аргентину колыбелью всего человечества, подкреплялись найденными артефактами жизни там автохтонных сообществ. В результате сложилась парадоксальная ситуация: для отстаивания этой гипотезы ее сторонникам приходилось оперировать материальными доказательствами исторического пребывания в границах республики индейцев, в то же время отрицая их современное существование в рамках политики государства по формированию образа “расово однородной” страны без “коренного элемента”. Был найден следующий выход: в качестве элемента преистории автохтонные народы объявлялись “всеобщими предками”, их останки и артефакты – частью национального культурного наследия, но они же исключались из национального настоящего по причине утверждений об их “расовой неполноценности” (Kerr 2017: 65–71).

В задачу же географов по-видимому входило обоснование справедливости притязаний Буэнос-Айреса в отношении территорий традиционного проживания автохтонных племен. Заметную роль в этом сыграл француз Виктор Мартин де Мусси, совершивший путешествие по территориям ряда провинций Аргентины, Парагвая и Чили в 1856–1858 годах. Он был нанят правительством Конфедерации и опубликовал «Географическое и статистическое описание Аргентинской Конфедерации», в котором описывал Патагонию как аргентинскую территорию. При этом кочевые народы, ее населявшие, он ассоциировал с животным миром Пампы или элементами ландшафта “пустыни”, считая частью «великой монгольской расы» (Navarro Floria 2005: 88–111). Современные историки считают его работы примером официального курса на “официальное забвение” коренных народов в информационном пространстве внутри страны и за ее пределами, нацеленного на формирование образа страны, привлекательной для потенциальных иммигрантов и инвесторов. В основе этой привлекательности лежал транслируемый им образ страны без коренного населения, коррелировавший с идеями Сармьенто о плодородной пустыне в ожидании человека (очевидно, европейского иммигранта, занятого в сельском хозяйстве) (Ibid 1999).

Наряду с отдельными отраслями науки и в рамках соответствующего политического дискурса не менее эффективным инструментом формирования национальной аргентинской идеи становится искусство, в том числе и при определении места в ней автохтонных групп населения. В первые годы существования молодой республики его “вспомогательная” роль выражалась в так называемом художественном национализме, который, в свою очередь, реализовывался в двух измерениях. С одной стороны, “официальный национализм” был направлен на создание средствами живописи и скульптуры, собственного пантеона героев Войны за независимость для визуализации этого важнейшего этапа национальной истории. С другой – национализм неофициальный, находивший отражение в художественном отражении аргентинской действительности, ее пейзажей, персонажей и их обычаев во всем многообразии.

В результате именно живопись становится важнейшим проводником рассмотренной выше концепции “пустыни” как элемента государственной политики по консолидации территории в пределах национальных границ. Визуализация официального дискурса противопоставления “цивилизации” “варварству” выражалось в изображении конфликта культур, ареной для которого и была “пустыня”, конфликта между образом жизни (а иногда и непосредственно вооруженных столкновений) местного креольского населения и коренных народов. Отсюда преобладание среди сюжетов

на полотнах того времени как аргентинских, так и иностранных художников сцен нападений немирных индейцев, зачастую сопровождавшихся похищениями белых женщин. Такими необыкновенно выразительными художественными символами аргентинского “варварства” в “пустыне” стали полотна баварского художника Йоганна-Морица Ругендаса (1802–1858) «Похищение пленницы», «Малон» и «Похищение белой женщины» уругвайца Хуана Мануэля Бланеса (1830–1901), а также «Возвращение Малона» Анхеля Делла Валле (1852–1903) (*Giordano* 2009: 1284–1285).

Принято считать, что одним из основных источников вдохновения художников, далеко не все из которых руководствовались личными впечатлениями при изображении диких и воинственных индейцев, выступала популярная поэма «Пленница» аргентинского политика и поэта Эстебана Эчеверри (1805–1851 гг.), начинающаяся сценами нападения индейцев на поселение колонистов и празднества в честь удачного набега. Анализируя это произведение как воплощение не только философских и эстетических, но и социально-исторических взглядов части аргентинской интеллектуальной и политической элиты, видный отечественный литературовед Б.Ю. Субичус подчеркивал отсутствие выписанных индивидуализированных образов коренных народов, что, по его мнению, свидетельствовало о распространенном восприятии автохтонных этносов как «безликой своенравной массы, движимой не силой разума, а прихотью инстинктов» (*Субичус* 1977: 40–41).

Очень показательным, на наш взгляд, является и образ коренного населения, созданный знаменитым певцом культуры и образа жизни аргентинских гаучо Хосе Эрнандесом (1834–1886) в поэме «Мартин Фьеро». Приведем наиболее выразительные строфы: «Где индейцы побывали, \ словно буря там прошла. \ Горя сколько, сколько зла! \ Как нагрянут их отряды, \ тут уж не проси пощады: \ все крушат и жгут дотла. \ Как нагрянут на поселок, \ им раздолье: грабят, жгут, \ женщин – тех в полон берут. \ Пленницам, чтоб не сбегали, \ кожу со ступней сдирали; \ сам не видел, может, врут» (*Эрнандес* 1984). Таким образом в массах населения, далекого от реалий пограничной жизни, формировалось представление об индейцах не только как о “других” по отношению к креолам-носителям европейских ценностей, но как об опасных соседях, сосуществование с которыми угрожает территориальной целостности и затрудняет формирование нации.

Что касается исторической науки, то и она становится чрезвычайно эффективным инструментом формирования национальной памяти и идентичности, в чем так нуждались аргентинские правительства в середине XIX века. В результате историки сосредоточились на создании общепринятых представлений о происхождении аргентинской нации и, что логично, осмыслении (или переосмыслении) места в ней коренных народов, что, соответственно, также должно было стать своего рода теоретическим обоснованием политики Буэнос-Айреса в отношении этой группы населения. Неслучайно в центре большинства работ того периода по данной теме находился вопрос о южной границе и целесообразности применения насильственных мер для ее продвижения и поддержания контроля на пограничных территориях. Более того, П. Наварро Флориа предположил, что именно «воображаемое завоевание» Пампы и Патагонии сделало возможным ее фактическое покорение в результате военных операций в 1875–1888 годах (*Navarro Floria* 2005: 88–111). В результате вопрос южной границы закономерно трансформируется из предмета исторических исследований в фактор политической борьбы, исход которой определял позицию правительства в отношении коренного населения.

Граница как яблоко раздора

В этом плане в академических и политических кругах Ла-Платы вплоть до 70-х гг. XIX в. с переменным успехом доминировали два основных дискурса: индихенистский, представители которого видели решение “индейского вопроса” в “разумном сочетании силы, союзов и соблазна” для приобщения коренного населения к преимуществам цивилизованной жизни; и воинствующий, олицетворением которого были риторика и политика президента Аргентины в 1880–1886 и 1898–1904 гг. Хулио Архентино Роки (1843–1914), рассматривавшего походы в “пустыню” как высший этап испанского завоевания.

Первым теоретиком-государственником политики в отношении индейской границы был испанский военный Педро А. Гарсиа (1758–1833), с юности живший на берегах Ла-Платы и присоединившийся позже к революционному движению. В контексте продвижения границы и поддержания контроля на пограничных территориях предлагаемые им способы взаимодействия с индейцами включали “мирное, но твердое” обращение и “умеренное” применение силы в случае необходимости.

После завоевания независимости все громче стали раздаваться голоса противников подобного патерналистского подхода к отношениям с коренными народами. Среди тех, кто активно призывал к отходу от традиции мирного взаимодействия с ними (в частности, с народом *мануче*), стоит упомянуть все того же Д.Ф. Сармьенто и разделявшего во многом его взгляды государственного деятеля и президента Аргентины в 1862–1868 гг. Бартоломе Митре, считавшего столкновения с коренными народами «злом, которое страна переживала в течение многих лет, поскольку они неизбежно подпитывали наши продолжающиеся внутренние разногласия» (*Navarro Floria* 2005: 88–111). В этом ключе более агрессивные наступательные действия на южных рубежах с целью закрепления границы молодого государства по Рио-Гранде обосновывались, прежде всего, императивами государственного строительства.

На практике это привело к тому, что современные исследователи квалифицируют как политику геноцида (или этноцида) в отношении коренных народов Чако и Патагонии (*Trinchero* 2006:121–135; *Delrio* 2010; *Fontán* 2011: 1–12), отталкиваясь от определения геноцида, данном в Конвенции ГА ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Под геноцидом там понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую (Конвенция 1948).

Печально известными примерами подобных действий являются «завоевание пустыни» (исп. *Conquista del Desierto*) (Пампа и Патагония, 1878–1885 гг.) и «кампании в зеленой пустыне» (исп. *Campaña del Desierto Verde*) (Чако, 1884–1917 гг.), отмеченные переселением и заключением коренных сообществ в концентрационные лагеря; лишением личности в результате принудительного крещения; похищением и эксплуатацией женщин и детей; «охотой на людей» профессиональными “охотниками за индейцами”; массовыми отравлениями животных, употребляемых индейцами в пищу; убийствами мужчин и депортациями женщин (*Fontán* 2011: 1–12).

* * *

Согласно результатам первой “всеиндейской” переписи населения, состоявшейся в Аргентине лишь в 1966–1967 гг., численность ее коренных народов не превышала 150 000 человек (*Шейнбаум* 1985: 242). При этом еще в период конкиссты на этой территории насчитывалось порядка 800 тысяч представителей «разрозненных и отсталых» кочевых и оседлых племен (*Селиванов* 1977: 9). Однако последующие этапы социально-экономического и политического развития республики стали временем постепенного сокращения присутствия автохтонных народов во всех сферах жизни общества. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Национального конгресса, обнародованные в 1878 г., согласно которым в начале XVII в. индейское население Ла-Платы составляло порядка 2 млн человек, к концу XVIII в. оно сократилось до 500 тысяч, а к 1878 г. – уже до 300 тысяч (*Ермолаева и др.* 1961: 216). В интерпретации этих данных можно согласиться с советскими историками, утверждавшими, что официальная статистика могла занижать фактическую численность коренных этносов для подтверждения целенаправленно поддерживаемого государством представления об «отсутствии в стране индейцев и индейской проблемы как таковой» (*Шейнбаум* 1985: 242).

Помимо этого, жесткая позиция официального Буэнос-Айреса в первые десятилетия независимого существования Аргентины выражалась в последовательном исключении коренных народов как социальной группы из общественно-экономических и политических процессов, важнейшими из которых были консолидация национального государства в контексте и на основе конструирования национальной же идеи. Поскольку целевая аудитория доминировавшего дискурса о “стране без индейцев” находилась преимущественно за ее пределами, для его распространения и подкрепления государство опиралось не столько на военную силу, использовавшуюся непосредственно против коренных народов, сколько на обширный арсенал теоретического инструментария науки, а также изобразительно-выразительных средств различных жанров искусства.

Источники и материалы

- Конвенция 1948 – Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения 23.01.2020).
- Сармьенто* 1988 – *Сармьенто Доминго Фаустино*. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кирогги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики. Москва, 1988.
- Эрнандес Хосе* 1984 – *Эрнандес Хосе*. Мартин Фьерро. Песнь третья. Перевод с исп. Михаила Донского. Москва, 1984.
- Alberdi* 2017 – *Alberdi, Juan Bautista*. Bases y puntos de partida para la organización política de la República Argentina / Juan Bautista Alberdi; incluye prólogo de Matías Fariás. Buenos Aires: Biblioteca del Congreso de la Nación, 2017.
- Constitución 1853 – Constitución de la Confederación Argentina (1 de mayo de 1853). <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/es/ar/ar147es.pdf> (fecha de acceso 18.01.2020)

Научная литература

- Адамовски Э.* Культурные, этнографические и классовые аспекты становления аргентинской государственности // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2013. № 13. С. 122–144.

- Гончарова Т.В. Автохтонное культурное наследие как база эндогенного развития // Сбудутся ли пророчества? Латинская Америка: индейцы и общество / Отв. ред. Ю.А. Зубрицкий. Москва: ИЛА РАН, 1993. С. 106–129.
- Ларин Е.А. (отв. ред. и сост.) История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. М.: Наука, 2010.
- Казаков В.П. Аргентинский якобинец Мариано Морено // Латинская Америка. 2014. № 12. С. 53–61.
- Казаков В.П. Идеологи Майской революции в Аргентине // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С. 21–48.
- Ермолаева В.И. (отв. ред.), Лаврова Н.М., Штрахова А.И. (под ред.) Очерки истории Аргентины. М.: Наука, 1961.
- Ларин Е.А. (отв. ред.) Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М.: Наука, 2012.
- Ивановский З.В., Зубрицкий Ю.А., Глинкин А.Н., и др. Разделенность этноса в контексте международных отношений // Латинская Америка. 2003. № 2. С. 49–64.
- Ракуц Н.В. Индейские языки Южной Америки // Латинская Америка. 2009. № 5. С. 94–100.
- Ракуц Н.В. Аргентина // Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Отв. ред. Я.Г. Шемякин. М.: ИЛА РАН, 2018. С. 130–140.
- Селиванов В.Н. Культура колониальной Аргентины // Культура Аргентины / Белей Н.Г. (ред.). М.: Наука, 1977. С. 9–25.
- Субичус Б.Ю. Из истории аргентинской литературы 16–19 вв. // Культура Аргентины / Белей Н.Г. (ред.). М.: Наука, 1977. С. 26–59.
- Шейнбаум Л.С. Аргентина. Особенности формирования и развития нации / Этнические процессы в странах Южной Америки / Отв. ред. И.Ф. Хорошаева, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1981. С. 262–312.
- Шейнбаум Л.С. Индейцы тоба Аргентины/ Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 242–252.
- Ashley K. From Savagery to Sovereignty: Identity, Politics, and International Expositions of Argentine Anthropology (1878–1892). *Isis*. 2017. Vol. 108, no. 1, March. <https://doi.org/10.1086/691395> (accessed 25.06.2019).
- Delrio W., Lenton D., Musante M., Nagy M. Discussing Indigenous Genocide in Argentina: Past, Present, and Consequences of Argentinean State Policies toward Native Peoples. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*. 2010. Vol. 5, Iss. 2, Article 3. <http://scholarcommons.usf.edu/gsp/vol5/iss2/3> (accessed 25.06.2019).
- Fontán M. Genocidio de los pueblos indígenas y desaparición cultural de la generación americanista de la Independencia: ¿Punto final? http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2011/10/mesa_6/fontan_mesa_6.pdf (fecha de acceso 25.06.2019).
- Giordano M. Nación e identidad en los imaginarios visuales de la Argentina. Siglos XIX y XX. *ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura*. 2009, noviembre–diciembre. doi: 10.3989/arbor.2009.740n1091. P. 1284–1288. (fecha de acceso 25.06.2019).
- Navarro Floria P. La conquista de la memoria: La historiografía sobre la frontera sur Argentina durante el siglo XIX. *Universum*. 2005. No. 20 (1). P. 88–111. <https://dx.doi.org/10.4067/S0718-23762005000100007> (fecha de acceso 25.06.2019).
- Navarro Floria P. Un país sin indios. La imagen de La Pampa y La Patagonia en la geografía del naciente Estado argentino. *Scripta Nova. Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales*. Universidad de Barcelona. 1999. No. 51 (1), de noviembre. <http://www.ub.edu/geocrit/sn-51.htm> (fecha de acceso 25.06.2019).
- Quijada M. Nación y Territorio: La dimensión simbólica del espacio en la construcción nacional argentina. Siglo XIX. *Revista de Indias*. 2000. Vol. LX. No. 219. URL: revistadeindias.revistas.csic.es/index.php/revistadeindias/article/view/511 (fecha de acceso 25.06.2019).
- Trinchero H.H. The genocide of indigenous peoples in the formation of the Argentine Nation-State. *Journal of Genocide Research*. 2006. Vol. 8 (2), June. P. 121–135. DOI: 10.1080=14623520600703008 (accessed 25.06.2019).

Trincherо H.H. Pueblos indígenas, estados nacionales y fronteras: tensiones y paradojas de los procesos de transición contemporáneos en América Latina. – 1a ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras Universidad de Buenos Aires, 2014.

References

- Adamovski, E. 2013. Kul'turnye, etnograficheskie i klassovye aspekty stanovleniia argentinskoi gosudarstvennosti [Cultural, ethnographic and class aspects of the formation of Argentine statehood]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh* 13: 122–144.
- Ashley, K. 2017. From Savagery to Sovereignty: Identity, Politics, and International Expositions of Argentine Anthropology (1878–1892). In *Isis* 1 (March). <https://doi.org/10.1086/691395> (accessed 25.06.2019).
- Delrio, W., D. Lenton, M. Musante and M. Nagy. 2010. Discussing Indigenous Genocide in Argentina: Past, Present, and Consequences of Argentinean State Policies toward Native Peoples. In: *Genocide Studies and Prevention: An International Journal* 5 (2): Article 3. <http://scholarcommons.usf.edu/gsp/vol5/iss2/3> (accessed 25.06.2019).
- Ermolaeva, V.I. (ed.), N.M. Lavrova and A.I. Shtrakhova. 1961. *Ocherki istorii Argentiny* [Essays on the history of Argentina]. Moscow: Nauka.
- Fontán, M. 2019. Genocidio de los pueblos indígenas y desaparición cultural de la generación americanista de la Independencia: Punto final? [Genocide of indigenous peoples and cultural disappearance of the Americanist generation of Independence: End point?] http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2011/10/mesa_6/fontan_mesa_6.pdf (fecha de acceso 25.06.2019).
- Giordano M. 2009. Nación e identidad en los imaginarios visuales de la Argentina. Siglos XIX y XX. [Nation and identity in the visual imaginaries of Argentina]. *ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura*. noviembre-diciembre. doi: 10.3989/arbor.2009.740n1091 Pp. 1284–1288. (fecha de acceso 25.06.2019).
- Goncharova, T.V. 1993. Avtokhtonnoe kul'turnoe nasledie kak baza endogenного razvitiia [Autochthonous Cultural Heritage as a Base for Endogenous Development] In *Sbudutsia li pro-rochestva? Latinskaia Amerika: indeitsy i obshchestvo*. [Will the Prophecies Come True? Latin America: Indians and Society], edited by Yu.A. Zubrickiy, 106–129. Moscow: ILA.
- Ivanovskiy Z.V., Yu.A. Zubritskiy, A.N. Glinkin et al. 2003. Razdelennost' etnosa v kontekste mezh-dunarodnykh otnoshenii [Separation of ethnos in the context of international relations]. *Latinskaia Amerika* 2: 49–64.
- Kazakov, V.P. 2014. Argentinskii iakobinets Mariano Moreno [Argentine Jacobin Mariano Moreno]. *Latinskaia Amerika* 12: 53–61.
- Kazakov, V.P. 2015. Ideologi Maiskoii revoliutsii v Argentine [Ideologues of the May Revolution in Argentina]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh* 15: 21–48.
- Larin, E.A. (ed.). 2010. *Istoriia Latinskoii Ameriki v mirovoi istoricheskoi i obshchestvennoi mysli XVI–XIX vv.* [History of Latin America in world historical and social thought of the 16th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
- Larin, E.A. (ed.). 2012. *Politicheskaiia istoriia stran Latinskoii Ameriki v XIX veke* [Political history of Latin American countries in the 19th century]. Moscow: Nauka.
- Navarro, F.P. 2005. La conquista de la memoria: La historiografía sobre la frontera sur Argentina durante el siglo XIX. [The conquest of memory: Historiography on the southern Argentine border during the 19th century] *Universum (Talca)* 20 (1): 88–111. <https://dx.doi.org/10.4067/S0718-23762005000100007> (fecha de acceso 25.06.2019).
- Rakuts N.V. 2018. Argentina [Argentina] In: *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva. Iuzhnoamerikanskii realii* [Indian culture and state policy. South American realities], edited by Ya.G. Shemiakin, 130–140. Moscow: ILA RAN.
- Rakuts, N.V. 2009. Indeiskie iazyki Iuzhnoi Ameriki [Indian languages of South America]. *Latinskaia Amerika* 5: 94–100.

- Selivanov, V.N. Kul'tura kolonial'noi Argentiny [Colonial Argentina culture] In: (ed). *Kul'tura Argentiny* [Argentina culture], edited by N.G. Beley, 9–25. Moscow: Nauka.
- Sheinbaum, L.S. 1981. Argentina. Osobennosti formirovaniia i razvitiia natsii. [Argentina. Features of the formation and development of the nation] In *Etnicheskie protsessy v stranakh Iuzhnoi Ameriki* [Ethnic processes in the countries of South America], edited by I.F. Horoshayeva, and E.L. Nitoburg, 262–312. Moscow: Nauka.
- Sheinbaum, L.S. 1985. Indeitsy toba Argentiny [Toba Indians of Argentina]. In *Istoricheskie sud'by amerikanskikh indeitsev. Problemy indeanistiki* [Historical destinies of American Indians. Problems of Indian Studies], edited by V.A. Tishkov, 242–252. Moscow: Nauka.
- Subichus, B.Yu. 1977. Iz istorii argentinskoi literatury 16–19 vekakh [From the history of Argentine literature of the 16–19 centuries] In *Kul'tura Argentiny Argentiny* [Argentina culture], edited by N.G. Beley, 26–59. Moscow: Nauka.
- Navarro, F.P. 1999. Un país sin indios. La imagen de La Pampa y La Patagonia en la geografía del naciente Estado argentino [A country without Indians. The image of La Pampa and Patagonia in the geography of the nascent Argentine State]. *Scripta Nova. Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales*. Universidad de Barcelona 51 (1) de noviembre. <http://www.ub.edu/geocrit/sn-51.htm> (fecha de acceso 25.06.2019).
- Quijada, M. 2000. Nación y Territorio: La dimensión simbólica del espacio en la construcción nacional argentina. Siglo XIX [Nation and Territory: The symbolic dimension of space in Argentine national construction. XIX century]. *Revista de Indias* LX (219). URL: revistadeindias.revistas.csic.es/index.php/revistadeindias/article/view/511 (fecha de acceso 25.06.2019).
- Trincheró, H.H. 2006. The genocide of indigenous peoples in the formation of the Argentine Nation-State. *Journal of Genocide Research* 8(2), June: 121–135. doi: 10.1080=14623520600703008 (accessed 25.06.2019).
- Trincheró, H.H. 2014. *Pueblos indígenas, estados nacionales y fronteras: tensiones y paradojas de los procesos de transición contemporáneos en América Latina*. [Indigenous peoples, nation states and borders: tensions and paradoxes of contemporary transition processes in Latin America]. 1a ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras Universidad de Buenos Aires.

Scherbakova, Anna D.

The Place of the Indigenous Peoples of Argentina in the Processes of State and National Construction

The article analyses the stages of consolidating the peripheral position of indigenous peoples among the State priorities of the Argentine Republic, aimed at consolidating the state and creating a national identity. It was shown that during the colonial period their integration and assimilation into socio-economic and political processes were limited both by the communities themselves and by the colonial authorities. Since Argentina's independence, the territories of the traditional residence of autochthonous groups became the object of state policy and are consistently excluded from the national political agenda. A wide arsenal of means is used – from equipping military expeditions to launching ideological and propaganda campaigns in the country and beyond.

Keywords: *Indian question, “civilization and barbarism”, “desert” as a concept and metaphor, space construction, national-cultural identity, southern border factor, biological determinism*